

Пильгуй Александра Владимировна

ИДИОСТИЛЬ АВСТРИЙСКОГО ПОЭТА ТЕОДОРА ДОЙБЛЕРА

Целью данной статьи является исследование идиостиля австрийского поэта Теодора Дойблера (1876-1934 гг.). На примере конкретных произведений выявляются основные составляющие его поэтического словаря и описываются словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы стихотворного текста. Показано, что наряду с характерными для поэтики экспрессионизма художественно-языковыми средствами при описании природы Т. Дойблером используются традиционные формульные средства создания образности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 135-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

11. Клопотова Е. А. Соматическая лексика енисейских языков: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 181 с.
12. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
13. Мифология селькупов / научн. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
14. Нутро [Электронный ресурс] // Толковый словарь Даля. URL: <http://enc-dic.com/dal/Nutro-19921.html> (дата обращения: 25.02.2014).
15. Русско-ненецкий словарь / под ред. И. И. Мещанинова. М.: ОГИЗ, 1948. 405 с.
16. Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 238 с.
17. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быкомя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
18. Сибгаева Ф. Р. Оценочный компонент фразеологических единиц, обозначающих характер человека в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 193-195.
19. Фартук [Электронный ресурс] // Толковый словарь Даля. URL: <http://enc-dic.com/dal/Fartuk-41313.html> (дата обращения: 25.02.2014).
20. Шерер В. Э. Служебные имена кетского языка, выполняющие функции послелогов // Языки и топонимия. Томск, 1978. С. 125-136.
21. Castrén A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. 404 S.
22. Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. 307 S.
23. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. Советское финно-угроведение. Таллинн: Периодика, 1971.
24. Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Budapest: Akadémiai kiadó, 1969. 316 S.
25. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien). Helsinki, 1977. 186 S.

NOMINATIONS OF A STOMACH IN THE SELKUP LANGUAGE

Persidskaya Anastasiya Sergeevna
National Research Tomsk Polytechnic University
Persidskaya@tpu.ru

The article represents a linguoculturological analysis of the nominations of a stomach in the dialects of the Selkup language. The paper for the first time systematizes the material on this aspect of the Selkup language. The researcher reconstructs the internal semantics of the nominations of a stomach by identifying their semantic derivatives. Therefore the function of each somonym in the culture of an ethnos is distinguished. Under investigation are the processes of metaphorical transfer, grammaticalization and word formation.

Key words and phrases: somatic vocabulary; the Selkup language; nomination of a stomach; somonym; stomach.

УДК 8

Филологические науки

Целью данной статьи является исследование идиостиля австрийского поэта Теодора Дойблера (1876-1934 гг.). На примере конкретных произведений выявляются основные составляющие его поэтического словаря и описываются словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы стихотворного текста. Показано, что наряду с характерными для поэтики экспрессионизма художественно-языковыми средствами при описании природы Т. Дойблером используются традиционные формульные средства создания образности.

Ключевые слова и фразы: Теодор Дойблер; идиостиль; австрийский экспрессионизм начала XX века; образ природы в поэтике экспрессионизма; лингвостилистический анализ текста; поэтический словарь; образное словоупотребление; тропы; словотворчество; символизм; проблема формульности.

Пильгуй Александра Владимировна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
besen@mail.ru

ИДИОСТИЛЬ АВСТРИЙСКОГО ПОЭТА ТЕОДОРА ДОЙБЛЕРА©

Изучая языковую личность автора текста, мы невольно сталкиваемся с личностью автора в целом, в идиостиле отражается авторская картина мира, нам открываются его знания и представления об окружающей действительности, морально-нравственные установки, возможно, политические взгляды, которые накладывают отпечаток на все творчество автора, даже если не выражаются эксплицитно.

В связи с этим особое внимание необходимо обратить на тематику большинства произведений Теодора Дойблера (1876-1934 гг.): обращенность к миру, прежде всего, природному, связь человека с космосом и природой. Заметим, что интерес к этим темам был не слишком свойственен другим представителям экспрессионизма. На поэта в силу биографических причин большое влияние оказала античная литература, что проявилось и в выборе тем – космос, место человека в мире, средиземноморский пейзаж, античная мифология, и в выборе стилистико-текстовых средств. В его мировоззрении обнаруживаются черты как пантеизма,

так и антропоцентризма. Человек не изгоняется из мира природы, а гармонично включен в него. Поэтому доминируют традиционные при изображении явлений окружающего мира средства выразительности: олицетворение, сравнение природы с человеком и наоборот, олицетворяющие эпитеты. Поэтический язык продиктован тематикой: встречаются общехудожественные метафоры, формульные эпитеты, сравнения. Высокий стиль достигается за счет использования поэтизмов и устаревшей лексики.

Вместе с тем для поэзии Т. Дойблера характерно словотворчество, как представитель экспрессионизма, он часто прибегает к созданию неологизмов. Его произведения эмоциональны и предполагают наличие собеседника, возможность диалога, поэтому поэт использует восклицательные, вопросительные предложения, обращения, глаголы, личные и притяжательные местоимения в форме второго лица, повтор (и лексический, и синтаксический). Среди сложных предложений преобладают сложносочиненные и бессоюзные. Длинные, синтаксически перегруженные конструкции редки.

Поскольку многие стихотворения Т. Дойблера посвящены изображению водной, небесной и морской стихиям, лексический состав его поэтического языка чрезвычайно богат лексемами, связанными с этими темами. Так, если в стихотворении описывается красота звездного неба, то в нем обязательно будут фигурировать такие единицы, как *Himmel* «небо», *Licht* «свет», *Nacht* «ночь», *Gestirne* «созвездия», *Stern* «звезда», *Mond* «луна, месяц», *silbern* «серебряный», *silbern* «серебриться», *scheinen* «светить». При изображении растительного мира, обычно это лес или сад, читателю непременно встретятся названия цветов, деревьев, обозначение частей дерева, обитателей леса: *Wald* «лес», *Garten* «сад», *Baum* «дерево», *Ast* «сук», *Zweig* «ветвь», *Knospen* «почки», *Reh* «косуля». Часто данные слова, обозначающие объекты природы, сочетаются с глаголами, описывающими действия, производимые одушевленными существами, и, как следствие, олицетворяются.

Зеленый цвет объединяет водную и земную стихии. Морской пейзаж представлен такими обязательными атрибутами, как лодки, волны, ветер, дельфины; цвета – преимущественно серебряный и белый. Лексический состав легко распадается на группы гипонимов и гиперонимов. Семантические поля и лексемы, характерные для каждого из них, могут пересекаться в одном стихотворении: например, «растительность» + «небо и звезды» или «море» + «звезды и небо». В текстах насчитываются многочисленные цветковые эпитеты: белый, серебряный, зеленый, голубой, красный и золотой, чуть реже черный.

Едва ли возможно в рамках небольшой работы охватить все многообразие поэтического наследия Т. Дойблера, поэтому проанализируем три стихотворения «Die Fichte» («Ель»), «Die Buche» («Бук»), «Die Birke» («Береза»), представляющие определенный интерес с точки зрения изучения идиостиля поэта и являющиеся одновременно весьма показательными, так как они, казалось бы, должны быть похожими друг на друга. Во втором издании сборника «Der sternenhelle Weg» («Звездный путь», 1919 г.) они были напечатаны в вышеуказанной последовательности уже под общим названием «Bäume» («Деревья») [8, S. 11-14].

Начнем анализ со стихотворения «Die Birke»:

III

Die Birke

*Die Birke ist im Nebel zu erschauen.
Sie scheint ein Mädchen, eine Schleierbraut.
Sie steht verschämt neben den Fichtenfrauen
Und hat sich noch zu keinem Wort getraut.*

*Der Morgenkönig greift um ihre Hüften.
Da schmiegt die keusche Birke sich zurück.
Sie läßt nur leise ihre Hüllen lüften
Und lispelt gleich von ihrem Jungfernglück.*

*Da fängt der Morgenkönig an zu zagen.
Er drückt das zarte Elfenbeingelenk
Und freut sich lang an ihrem schlanken Ragen;
Er läßt der Birke scheu ein Taugeschenk.*

*Das Wunder ist mit einem Kuß geschwunden.
Die Birke ist nicht Braut und auch nicht Frau.
Das Mädchen hat den Liebeswunsch empfunden
Und trägt noch leise Kindlichkeit zur Schau.*

Перед нами традиционное стихотворение, в котором береза предстает в образе юной девушки. В нем легко обнаруживаются фольклорные черты, во многом оно построено на использовании привычной символики, которая без каких-либо затруднений поддается декодированию. В произведении присутствует наблюдатель, лирический субъект: *Die Birke ist im Nebel zu erschauen. Sie scheint ein Mädchen, eine Schleierbraut* / «Береза виднеется в тумане. Она кажется девушкой, невестой под свадебным покрывалом». Однако фигура наблюдателя / рассказчика отходит на второй план и как бы растворяется в действии, здесь есть развитие сюжета – соблазнение невинной девушки-березы, с кульминацией и развязкой. Повествование ведется в презенсе, которому противостоит перфект в первой строфе четвертой строке, описывающей то, какой скромной была береза до встречи с соблазнителем, и в последней строфе, это первая и третья строки, когда уже известен печальный исход событий. Синтаксис стихотворения достаточно прост. В каждой из четырех строф встречаются предложения с однородными сказуемыми, соединенными союзом *und*. Причем

имеет место композиционный повтор: в первой, второй и четвертой строках эта структура предложения повторяется в последних двух строках.

Сравнений с девушкой в тексте нет. Береза награждается мейоративными эпитетами *keusch* «целомудренная», *zart* «нежная», *schlank* «стройная». Как и в славянской мифологии, береза для германцев символизировала юность, чистоту и непорочность. Береза-невеста стоит среди елей-женщин. Ель – символ верности, вечности, также женское начало. Таким образом, юная береза противопоставляется взрослым елям. В произведении неоднократно подчеркиваются ее скромность, нерешительность и целомудрие:

1) с помощью непосредственно лексических средств: *verschämt* «стыдливо», *die keusche Birke* «целомудренная береза», *sich zurückschmiegen* «отстраняться», *Jungfernglück* «счастье в девстве», *lispeln* «шептать», *nur leise / noch leise* «только тихо / еще тихо»;

2) с помощью символики: противопоставление *eine Schleierbraut – Fichtenfrauen, Elfenbeingelenk* – слоновая кость, как символ чистоты, а впоследствии Девы Марии, отсылает нас к тексту Библии (башня из слоновой кости). Соблазнитель березы *Morgenkönig* «утренний король, король-утро» преподносит ей в подарок росу (*Taugeschek*). Роса символизирует рассвет, обновление, но вместе с тем и мимолетность, быстротечность бытия.

Постепенно береза поддается искушению. Если сначала она вела себя целомудренно, отстранялась, желая избежать прикосновений, то затем она позволяет приподнимать свои одеяния, сопротивляясь уже лишь на словах, заставляя смутиться искусителя: *Sie läßt nur leise ihre Hüllen lüften/ Und lispelt gleich von ihrem Jungfernglück /* «Она позволяет лишь тихо приподнимать свои одеяния / И одновременно шепчет о счастье в девстве». Наречие *noch* повторяется дважды, что тоже символично. Чудо исчезает с поцелуем, глагол *schwinden* «исчезать» принадлежит к высокому стилю. Береза утрачивает чистоту и целомудрие, она и не невеста, и не жена. В предпоследней строке береза называется девушкой, испытывавшей страсть и почувствовавшей желание любить, но не рассказывающей никому об этом и делающей вид, что она еще ребенок.

В стихотворении есть окказионализмы, повышающие образность поэтического текста. Они построены по моделям, характерным для немецкого словообразования – словосложение и субстантивация: *Schleierbraut* («невеста под свадебным покрывалом»), *Fichtenfrauen* («ели-жены»), *Elfenbeingelenk* («сустав цвета слоновой кости»), *Morgenkönig* («утренний король, король-утро»), *Taugeschek* («подарок в виде росы»); *Ragen* («возвышение», здесь «стан»).

Показательно, что в этом тексте, поскольку береза полностью олицетворяется, используются лексемы, обозначающие части человеческого тела: *Hüften* «бедра», *Gelenk* «сустав», и нет таких частотных в идиостиле Дойблера лексем, как *Ast* «сук», *Zweig* «ветвь», *Krone* «крона», *Laub* «листва», *Stamm* «ствол», называющих части дерева. На березе покровы (*Hüllen*), а не листва или кора (*Rinde*).

Второе стихотворение «Die Buche» наполнено символикой иного рода, нежели рассмотренное выше:

II

Die Buche

*Die Buche sagt: Mein Walten bleibt das Laub.
Ich bin kein Baum mit sprechenden Gedanken,
Mein Ausdruck wird ein Ästeübertanken,
Ich bin das Laub, die Krone überm Staub.*

*Dem warmen Aufruf mag ich rasch vertraun,
Ich fang im Frühling selig an zu reden,
Ich wende mich in schlichter Art an jeden.
Du staunst, denn ich beginne rostigbraun!*

*Mein Waldgehaben zeigt sich sommerfroh.
Ich will, daß Nebel sich um Äste legen,
Ich mag das Naß: ich selber bin der Regen.
Die Hitze stirbt: ich grüne lichterloh!*

*Die Winterspflicht erfüll ich ernst und grau.
Doch schütt ich erst den Herbst aus meinem Wesen.
Er ist noch niemals ohne mich gewesen.
Da werd ich Teppich, sammetrote Au.*

Конечно, при желании можно сказать, что бук, являющийся символом мудрости, знания, надежности, делится своими мыслями и переживаниями, однако все это будет совсем не так очевидно, как в предыдущем произведении. Избрана другая перспектива повествования. Стихотворение начинается с вводного предложения (характерный для творчества Т. Дойблера прием): «Бук говорит» (*Die Buche sagt*). Затем следует речь от первого лица, таким образом, здесь нет постороннего наблюдателя. Бук – лирический субъект, рассказывающий о своей жизни какому-то собеседнику. Произведение построено по принципу развертывания метафоры-олицетворения, но явно прослеживающаяся сюжетная линия отсутствует. Бук, с одной стороны, олицетворяется, наделяется даром речи, чувствами и эмоциями. Однако, с другой стороны, обладая душой, бук не перестает быть деревом (*Ich bin das Laub* «Я листва», последняя строка первой строфы), не проводится параллелей с человеческой жизнью и судьбой. Смена времен года, переживаемая буком, остается просто сменой времен

года. Весна – лето – зима – осень, в таком порядке они упоминаются в тексте. Грамматический род уже никак не обыгрывается (ср. «Die Birke»), в буке не видно каких-либо специфических женских черт.

При этом некоторый парадокс заключается в том, что бук говорит, что не является говорящим деревом, он выражает свои мысли иначе: *Die Buche sagt: <...> Ich bin kein Baum mit sprechenden Gedanken, / Mein Ausdruck wird ein Ästeübertanken* / «Я выражаюсь с помощью роста ветвей». В то же время бук обращается к каждому: *Ich fang im Frühling selig an zu reden, / Ich wende mich an jeden* / «Весной я начинаю радостно говорить, / Я обращаюсь к каждому». И мы понимаем его речь. Возвращаясь к стихотворению «Die Birke», подчеркнем, что деревья наделяются даром речи, пожалуй, одним из самых важных, по мнению автора, благодаря чему они взаимодействуют с окружающим миром. Существительное *Ästeübertanken* – окказионализм «рост веток, разветвление», типичное для Т. Дойблера словообразование. В один ряд с ним можно включить существительные *Walten* «господство, владение» (субстантивация инфинитива) и *Waldgehaben* «лесное самочувствие, настроение» (субстантивация инфинитива и словосложение). Отметим другие сложные слова-окказионализмы: *sommerfroh* «радующийся лету», *Winterspflicht* «зимняя повинность», *rostigbraun* «ржаво-коричневый». Интересно, что вместо того, чтобы использовать существующее в немецком языке прилагательное *rostbraun* «красновато-коричневый, как ржавчина», поэт прибегает к словотворчеству. И это не единичный случай. Так, в стихотворении «Verliebter Fluss» также появляется окказионализм *sonnigwarm* «солнечно-теплый», образованное по той же модели «прилагательное + прилагательное».

В тексте встречается эпитет *schlicht* «простой, скромный» со значением скромности и простоты, используемым по отношению к буку. Вообще в поэтическом словаре Т. Дойблера среди эпитетов, относящихся к природе, преобладают мейоративные эпитеты с подобной семантикой. В строке *Du staunst, denn ich beginne rostigbraun* / «Ты изумлен, ведь я становлюсь ржаво-коричневым» вводится адресат, подразумеваемый ранее, удивленный изменением цвета листьев. Эллипсис и усечение окончаний в некоторых словах (*fang, vertraun, schütt*) также увеличивают эффект живого общения бука с невидимым собеседником, которым, возможно, является сам читатель, служа, таким образом, не только для звуковой организации стихотворного текста.

Иногда при нехватке света листья бука могут темнеть, как осень. Бук, влаголюбивое растение, хочет, чтобы туман окутал его ветки, ему нравится влага: *Ich will, daß Nebel sich um Äste legen, / Ich mag das Naß* / «Я хочу, чтобы туманы окутали мои ветки, / Мне нравится влага». Употребление словоформы множественного числа «туманы» отличается поэтичностью. «Я сам дождь», – говорит бук далее, применяя для большей убедительности риторический прием преувеличения (*Ich mag das Nass: ich selber bin der Regen*). *Die Hitze stirbt* «жара умирает» – метафора-олицетворение, *lichterloh grünen* «пламенно зеленеть» – еще одно образное словоупотребление. Общеупотребительные глаголы *grünen* «зеленеть», *silbern* «серебриться», *dunkeln* «темнеть», *blauen* «синеть; делать синим» чрезвычайно часто появляются в произведениях Т. Дойблера, но наряду с ними встречаются трудно переводимые на русский язык окказионализмы, образованные от этих глаголов префиксальным способом. Например, *umblauen* «делать синим что-то вокруг, отражать в синем цвете», *sich umblauen* «становиться синим», *erblaut* «поголубевший», *zersilbern* «рассеребриться», *unterdunkeln* «затемнять, скрывать».

Бук несет зимнюю повинность серьезно и мрачно (*ernst und grau*), но перед этим он вытряхивает из себя осень, что звучит очень образно. Весьма необычно, что не осень срывает листья с дерева, а наоборот. Бук становится ковром, красной, как бархат, долиной. Существительное *Au* «луг, речная долина» – пожалуй, единственное слово, которое можно отнести к южнонемецкой или австрийской лексике. Вариант слова *Sammet* «бархат» устарел, *sammetrot* «бархатно-красный» – поэтизм.

Итак, данное стихотворение за счет меньшей степени олицетворения бука на языковом и художественно-идейном уровне производит уже другое впечатление на читателя.

Еще более обособленным на фоне этих двух произведений выглядит первое стихотворение «Die Fichte»:

I

Die Fichte

*Der Fichte nächtlich sanftes Tagbetragen
Belebt Geschickeswürde kühn im Wald.
Kein Zweiglein kann in ihrer Wahrung zagen,
Die ganze Nacht gibt ihrem Atem Halt.*

*Es scheint ein Stern an jedem Ast zu hängen.
Des Himmels Steile wurde erst im Baum.
Wie unerklärt sich die Gestirne drängen!
Vor unserm Staunen wächst und grünt der Raum.*

*Ihr himmlisches Geheimnis bringt die Fichte
Den Blumen, unsern Augen fürstlich dar,
Ihr Sein erfüllte sich im Sternenlichte,
Sie weiß bei uns, daß Friede sie gebar.*

*Was soll der Weltenwind im Samtgeäste?
Die Fichte weicht zurück und spendet Rast.
Ein Baum, der alle Sterne an sich preßte,
Bleibt groß und segnet uns als guter Gast.*

Как и два других, оно состоит из четырех стрóf. Оно равно им по объему, но не по содержанию. В тексте насчитывается больше сложных предложений, наблюдается нарушение привычной сочетаемости слов.

Стихотворение с трудом передается пересказу. Однако его образность велика как раз за счет этого обстоятельства. Наступает ночь, ель, символизирующая вечность, спокойствие и свет, преобразуется и предстает в сиянии звезд. Кажется, что на каждой ветке висит звезда. На небе теснятся созвездия. Ель дарит цветам и нашим глазам свою дивную тайну и благословляет нас. В произведении присутствует лирический субъект. Сначала он лишь подразумевается, на его наличие указывает глагол *scheinen* «казаться». В строке *Vor unserm Staunen wächst und grünt der Raum* / «Перед нашим удивленным взором растет и зеленеет пространство» он вводится непосредственно, лирическим субъектом является местоимение первого лица множественного числа *wir: unsern Augen* «нашим глазам», *weiß bei uns* «знает у нас», *segnet uns* «благословляет нас». *Sie weiß bei uns* – не очень привычное сочетание. В тексте есть восклицательное *Wie unerklärt sich die Gestirne drängen!* / «Как необъяснимо теснятся звезды!» и вопросительное *Was soll der Weltenwind im Samtgeäste?* / «Что нужно мировому ветру в бархатных ветвях?» предложения, усиливающие коммуникативный аспект, типичные для поэзии Т. Дойблера.

Дважды встречается инверсия: *Der Fichte Tagbetragen* «если дневное поведение», *des Himmels Steile* «неба крутизна». Т. Дойблер нередко выносит существительное в генитиве на первое место. Сложные слова *Tagbetragen* «дневное поведение», *Samtgeäste* «бархатные ветви», *Weltenwind* «мировой ветер» можно сравнить с композитами из других стихотворений, в том числе и с уже проанализированными. Существительное *Waltung* «владение, господство», как и *Walten* с тем же значением, является производным от глагола *walten* «владеть» но это уже суффиксальный способ словообразования.

Большинство слов в стихотворении имеет положительную коннотацию: *sanft* «нежный», *Zweiglein* «веточка», *fürstlich* «роскошный», *segnen* «благословлять», *himmlisch* «небесный, восхитительный», *kühn* «отважный».

Все это в комплексе создает необычную картину, заставляющую читателя подключить воображение. Предмету изображения – ели в ночном свете – придается космическая масштабность, он становится поистине величественным и таинственным.

Заметим, первое и второе стихотворения лексически схожи: *grünen* «зеленеть», *Samt* «бархат», *Baum* «дерево», *Ast* «сук», *staunen* «удивляться, изумляться», *Walten* – *Waltung* «господство, владение»; *zagen* «робеть, медлить», *scheinen* «казаться» повторяются в первом и третьем; инфинитивный оборот с глаголом *anfangen* «начинать» во втором и третьем.

В то же время что-то неуловимое одновременно и отличает, и объединяет эти три произведения. Текст стихотворения «Die Birke» наполнен традиционными символами и аллюзиями, что, однако, ни в коем случае не умаляет его художественную ценность, а, напротив, увеличивает эстетическое удовольствие от чтения. Во втором произведении отсутствуют ярко выраженные фольклорные черты, символическую нагрузку несут слова со значением цвета, формульность вызвана темой изображения, избежать ее, вероятно, было бы невозможно. Автором выбирается интересный, менее ожидаемый ракурс: перед читателем не исповедь бука; получив главные антропоморфные черты, дерево остается деревом, в чем, конечно, также есть следы традиционного мышления, уходящего в далекое прошлое человечества. В стихотворении «Die Fichte» ель преобразуется, читатель попадает в мир поэта, в котором нет уже места формульности. Непривычные ассоциации и символы, сконструированные в процессе творчества, слабо уловимы и быстро узнаваемы лишь человеком, погруженным в созданную Т. Дойблером реальность, существующую в произведениях такого плана. Однако взаимосвязь между первыми двумя и последним стихотворениями, несомненно, ощущается читателем.

Таким образом, мы можем видеть, что, несмотря на выбор одинаковых с точки зрения класса объектов изображения и использования сходной лексики, способов словообразования и синтаксических конструкций, можно достичь разного эффекта и создать непохожие друг на друга поэтические тексты, в которых, однако, будет угадываться рука одного и того же автора.

Список литературы

1. **Золотое сечение** / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX-XX вв. в русских переводах / под ред. Н. Т. Беляевой. М.: Радуга, 1988. 812 с.
2. **Зуев А. Н., Молчанова И. Д., Мурясов Р. З. и др.** Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М. Д. Степановой. М.: Рус. яз., 1979. 536 с.
3. **Славянские древности: этнолингвистический словарь** / под ред. Н. И. Толстого: в 5-ти т. М., 1995. Т. 1. 577 с.; 1999. Т. 2. 697 с.; 2012. Т. 5. 728 с.
4. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. 694 с.
5. **Экспрессионизм: сб. ст.** / под ред. Е. М. Браудо и Н. Э. Радлова. Петроград – М., 1923. 232 с.
6. **Däubler Th.** Attische Sonette. Leipzig: Insel Verlag, 1924. 65 S.
7. **Däubler Th.** Das Sternkind. Gedichte. Leipzig: Insel-Verlag, 1986. 67 S.
8. **Däubler Th.** Der sternhelle Weg. 3. Aufl. Leipzig: Insel Verlag, 1923. 149 S.
9. **Menschheitsdämmerung:** Symphonie jüngster Dichtung. Berlin: Rowohlt, 1920. 316 S.
10. **Schneider W.** Stilistische deutsche Grammatik. Basel – Wien: Herder, 1959. 521 S.
11. **Vietta S., Kemper H.-G.** Expressionismus. 5 verb. Aufl. München, 1994. 464 S.

IDIOSTYLE OF THE AUSTRIAN POET THEODOR DAEUBLER

Pil'gui Aleksandra Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University
besen@mail.ru

The purpose of the article is to study the idiostyle of the Austrian poet Theodor Daeubler (1876-1934). By the example of concrete works the main parts of his poetic vocabulary are revealed and the word-building, morphological and syntactical resources of the poetic text are described. It is shown that when describing nature T. Daeubler uses traditional formula means of creating figurativeness together with artistic-language means that are the characteristics of expressionism poetics.

Key words and phrases: Theodor Daeubler; idiostyle; the Austrian expressionism of the beginning of the XX century; nature image in expressionism poetics; linguo-stylistic analysis of text; poetic vocabulary; figurative word usage; tropes; word creation; symbolism; problem of formulaicity.

УДК 8.821.111

Филологические науки

В статье рассматривается взаимосвязь проявлений категории телесного в тексте романа Харпер Ли с процессом социального становления главной героини. Свойственная ей «физиологичность» восприятия эмоций окружающих людей, признаков социальных групп и характеристик отдельных личностей приводит ее к нетипичному для социальной среды американского Юга 1930-х годов видению проблемы расовой дискриминации. Героине удается в буквальном смысле ощутить индивидуальность каждого человека, включая цвет кожи, и полностью снять для себя проблему расовых различий, чего не удалось осуществить до конца даже самым последовательным защитникам справедливости в романе.

Ключевые слова и фразы: Харпер Ли; социализация; телесное; физиологичность; расовая дискриминация; роман воспитания.

Приходько Вера Сергеевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет
vera.s.prikhodko@yandex.ru

**ТЕЛЕСНОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ
ХАРПЕР ЛИ «УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА»©**

Роман Харпер Ли нельзя назвать произведением неоднозначным, спорным или сложным для восприятия. Его основные темы раскрываются с дидактической очевидностью романа воспитания. Детский взгляд на социальную среду американского Юга 1930-х годов, убедительный и искренний, уже более полувека вызывает восхищение многочисленных читателей. Критика его излишней прямолинейности («Во всех великих романах присутствует некая неоднозначность в плане морали, потенциальная внутренняя противоречивость, которая не позволяет их слишком легко понять и объяснить. <...> В «Убить пересмешника» неоднозначности нет <...>. И пора уже перестать делать вид, что этот роман является вечной классикой...» [1]) может показаться справедливой взыскательному ценителю «высокой» литературы, однако популярности подобное мнение не приобретает. В самом ли деле роман так прост, как кажется?

Освещение социальных противоречий с точки зрения ребенка, существа наивного, естественного и лишённого предрассудков, представляющихся взрослым непреложной истиной, – прием достаточно распространенный. В «Убить пересмешника» восприятие маленькой Скаут¹ отличается особой непосредственностью и, в силу этого, подчеркнутой телесностью. Внимание к физиологии вообще свойственно детям, но у Скаут это не просто черта, подтверждающая достоверность персонажа, а доминирующая характеристика личности и её мира, активно используемая в романе как инструмент социализации. Это позволяет автору более точно и глубоко раскрывать ключевые темы взаимосвязи видимого и истинного, внешности и характера отдельных людей и, наконец, расовых предрассудков.

Сразу бросается в глаза, что испытываемые рассказчицей эмоции регистрируются через телесные ощущения: «Кровь у меня в ногах снова потекла по венам» [2, р. 148] – облегчение; «Я начала ощущать, как у корневой волос собираются капельки пота» [Ibidem, р. 170] – страх и т.п. Соответственно, все, что телесных характеристик лишено, внушает ей ужас: в первую очередь, конечно, Бу Рэдди – «непонятное существо» [Ibidem, р. 7], «фантом» [Ibidem, р. 9], «тень» [Ibidem, р. 59], не имеющий лица. Ясно, что «правдоподобное описание»,

© Приходько В. С., 2014

¹ В статье используются транслитерации имен персонажей, а также подстрочный перевод всех цитат из романа, выполненный автором статьи, поскольку именно такой перевод может дать более полное представление о лингвостилистических особенностях оригинального текста.